

Тихий, приправленный усмешкой голос прозвучал в ночной прохладе на удивление резко. Притаившиеся в темноте люди похолодели: они мгновенно поняли, что угодили в ловушку. Но не успели они и шелохнуться, как вокруг ярко вспыхнули огни.

Внезапный ослепительный свет заставил незваных гостей зажмуриться и инстинктивно прикрыть лица ладонями. Когда же они наконец опустили руки, то увидели Хан Сиэня. Он с мягкой улыбкой сидел напротив каменной горки в окружении гвардейцев, державших в руках зажженные фонари.

Повсюду — и на дорожках сада, и на уступах искусственной скалы — стояли императорские гвардейцы. Их луки были натянуты, а стрелы нацелены прямо в грудь нарушителям.

Главарь нападавших помрачнел. Он уставился на Хан Сиэня взглядом, полным такой лютой ненависти, словно готов был лично изрубить юношу на куски. Однако сделать шаг никто не решался: каждый понимал, что малейшее движение — и их мгновенно превратят в решето.

В голове предводителя лихорадочно проносились мысли. Дело, которое они затеяли, было слишком важным, и чиновники вряд ли посмели бы рисковать собственными головами. И все же стража ждала их здесь, точно зная время и место. Ситуация выглядела крайне скверно. Похоже, их кто-то предал.

От этой догадки вожака захлестнула глухая ярость.

Хан Сиэнь плотнее запахнул накинутый на плечи белоснежный меховой плащ, неторопливо поднялся и с вежливой улыбкой поинтересовался:

— Ну так что? Сдадитесь добровольно и выложите всё начистоту? Или мне сначала приказать изрешетить вас стрелами, хорошенько вздернуть на дыбе и только потом выслушать чистосердечное признание?

Эти издевательски мягкие слова прозвучали для окруженных людей как неприкрытая издевка.

Один из стоявших впереди мятежников яростно прищурился под маской и, вскинув клинок, бросился на Хан Сиэня. Но не успел он сделать и двух шагов, как свистнула тетива. Бай Шу, стоявший по правую руку от молодого маркиза, первым выстрелом пробил нападавшему запястье, а вторым, не дав тому опомниться, вогнал стрелу точно в сердце.

Мужчина покачнулся, выронил оружие и с глухим лязгом повалился навзничь.

— Кто дернется — ляжет рядом, — холодно процедил Бай Шу, даже не глядя на труп.

Резкий запах свежей крови смешался с ночной прохладой, заставив присутствующих невольно напрячься.

Хан Сизнь брезгливо усмехнулся и негромко произнес:

— Раз уж вы не желаете по-хорошему... Что ж, отберите у них оружие, переломайте руки и ноги, запирайте в подвале и подержите без воды и еды несколько дней. Глядишь, к началу допроса у всех прорежется голос.

То ли от ледяного ночного ветра, то ли от этого безжалостно-будничного тона, но по спинам пленных пробежала дрожь. Они ошеломленно уставились на изнеженного с виду юношу.

Наконец предводитель сорвал с лица черную маску. Секунду он молча смотрел на свое оружие, а затем разжал пальцы. Клинок с глухим звоном ударился о каменные плиты.

Для остальных это послужило сигналом. Один за другим нападавшие начали бросать оружие. Сад наполнился дробным металлическим звоном.

Хан Сизнь удовлетворенной улыбкой проводил взглядом падающие клинки.

— Приятно иметь дело с благоразумными людьми.

Он небрежно повел рукой:

— Свяжите их и запирайте. Допрос начать немедленно, с теми, кто станет запираяться — не церемониться, пускайте в ход дыбу. И пусть сначала пройдут через тайный лаз в скале под конвоем: проверим, не оставили ли они там сюрпризов.

Гвардейцы, держа пленных на прицеле, слаженно двинулись вперед. Личные охранники маркиза принялись торопливо собирать брошенное оружие, пока солдаты вязали сдавшихся. Всего в ловушку угодило не менее пятидесяти человек.

Прочитав мысли вожака, Хан Сизнь мгновенно потерял к пленникам всякий интерес. Он приказал запереть их под усиленной охраной до возвращения третьего принца Цзи Ло и наследника Цзи Юэ. Пусть те сами развлекаются с допросами.

Отдав распоряжения, маркиз неторопливо направился к своим покоям. Бай Шу бесшумно последовал за ним.

У самых дверей покоев Бай Шу вдруг обогнал юношу и, преградив дорогу, внимательно всмотрелся в его лицо.

— Тебе нездоровится? — нахмурившись, спросил он.

Инструктор заметил, что в тот краткий миг, когда стрела оборвала жизнь мятежника, Хан Сиэнь на секунду смертельно побледнел. Это было почти неуловимо, но наметанный глаз воина уловил мгновенную вспышку отвращения к чужой смерти и пролитой крови. Именно поэтому он решил последовать за ним и прояснить ситуацию.

Уловив ход мыслей собеседника, Хан Сиэнь чуть прищурился. На его лицо набежала холодная тень.

— Вовсе нет, — сухо ответил он.

На самом деле он прекрасно всё понимал. Новое тело не избавило его от призраков прошлого — старые шрамы души никуда не делись. Его сверхъестественные способности переродились вместе с ним, но вместе с ними осталась и глубокая, почти физическая ненависть к запаху крови и ослепляющему свету.

Стоило ему учуять сладковатый медный душок или увидеть слишком яркие лампы, как разум неудержимо уносил его назад, в холодные застенки белой лаборатории.

Ему казалось, что эта кровь хлещет из его собственных вен, а фонари вокруг — это безжалостные люминесцентные лампы, горевшие в его камере день и ночь. В том мире он засыпал и просыпался в вечном, мертвом сиянии, потеряв счет дням и годам. Лишь тупая боль от очередной иглы, выкачивающей из него жизнь, напоминала, что он всё еще дышит.

И все же, как бы сильно ни бунтовало его нутро, он заставлял себя смотреть на кровь в упор. Именно поэтому, избавляясь от матушки Дун, он взял клинок сам. Когда предательница полоснула его по руке, сквозь острую боль он почувствовал дикий, упоительный восторг от того, что его новое тело способно двигаться, чувствовать и жить.

Конечно, его тошнило от липкой влаги на ладонях, а горло сдавливал спазм, но лицо его при этом оставалось безупречно гладкой, ледяной маской.

Готовясь ко сну, он никогда не позволял слугам оставаться в покоях. Присутствие посторонних душило его, рождая удушливое чувство, будто он до сих пор заперт под стеклом, а за каждым его вздохом пристально наблюдают люди в белых халатах.

Светильники в его спальне не угасали до самого рассвета. Би Хуа и остальные служанки недоумевали, но, будучи подневольными, вопросов не задавали. Сам Хан Сиэнь ненавидел пляшущие по стенам тени — от их неверного мерцания сердце сжималось в дурном предчувствии, — и все же каждый вечер он упрямо приказывал зажигать огни.

Он привык встречать свои страхи с открытым забралом. До сих пор ему казалось, что он безупречно держит лицо и никто в этом мире не догадается о его слабости.

И вот теперь этот внезапный вопрос Бай Шу... На миг в груди шевельнулась паника, словно кто-то бесцеремонно взломал его тайники. Из-за этого неприятного чувства Хан Сиэнь заперся еще глубже, и в его голосе зазвучала ледяная стужа.

Прежде он считал Бай Шу человеком крайне любопытным, сотканным из противоречий. Тот обладал обостренным чувством справедливости — как тогда, во время пира у Цзи Юэ, когда он бросился спасать тонущего без малейших колебаний. Но порой этот воин становился непредсказуемым и жестоким, беспрекословно исполняя любые, даже самые страшные приказы.

В эту эпоху Бай Шу был едва ли не единственным, кто по-настоящему занимал мысли Хан Сиэня. Решив прожить новую жизнь в свое удовольствие, маркиз не отказывал себе в общении со столь занятым человеком. Ему хотелось разгадать натуру телохранителя, понять его мотивы. Именно поэтому он до сих пор снисходительно терпел его постоянное присутствие и эти наивные разговоры о дружбе.

Но сейчас появилось стойкое желание оттолкнуть его. Бай Шу подошел слишком близко — перешагнул черту, за которой начиналась священная территория его личных тайн.

Пока в душе Хан Сиэня бушевал этот безмолвный ураган, Бай Шу, разумеется, ни о чем не догадывался. Почувствовав, как повеяло холодом, он лишь мысленно обругал себя за излишнюю прямоту.

Решив сгладить неловкость, он поспешил объяснить:

— Тот человек жив, — быстро, вполголоса заговорил Бай Шу. — Стрела вошла чуть правее сердца. Лекарь Чжоу — лучший целитель в столице, он легко вытащит его с того света. Я не проливаю кровь без крайней нужды.

Губы Хан Сиэня тронула едва заметная, бледная усмешка. Он посмотрел на мужчину прежним, обманчиво-мягким взглядом, лишенным каких-либо эмоций.

— Понимаю. Мое замешательство никак не связано с твоими действиями. Я просто размышлял о делах, требующих решения.

Обычно после таких слов Бай Шу послушно уходил, чтобы явиться вновь, когда сочтет нужным.

Вот и сейчас инструктор заметно расслабился, хотя какое-то смутное подозрение все еще копошилось в его душе. Он украдкой пригляделся к юноше, но тот выглядел точно так же, как всегда. «Верно, просто показалось», — решил он про себя.

В этот момент из боковой двери бесшумно выскользнула Би Хуа. Поклонившись хозяину, она негромко доложила:

— Наследник, молодой господин Янь Си просит принять его.

Хан Сиэнь несколько секунд молча взвешивал решение.

— Пусть войдет.

Служанка кивнула и поспешила к воротам усадьбы.

Янь Си оставался ключевым свидетелем по делу о ложном море в деревне Фулу. Кроме того, он был одним из немногих, кто знал правду об обнаруженном там золотом месторождении.

Сразу после ареста Хан Пина маркиз отправил к императорскому двору спешного курьера с подробным докладом о золотой жиле. Теперь, когда дело приняло столь серьезный оборот, никто бы не осмелился наложить лапу на государственную казну, а самого Янь Си надежно охраняли как ценнейшего свидетеля.

Все это время юноша вел себя тише воды, ниже травы, не покидая отведенного ему флигеля. Он лишь дважды переговорил с генерал-губернатором Чжоу Маанем и даже во время ареста Хан Пина не выказал никакого волнения. И вдруг теперь он сам потребовал встречи с Хан Сиэнем.

Бай Шу уже собирался уйти, как того требовали правила приличия, но при упоминании имени Янь Си передумал. Вспомнив изнеженный, манящий облик этого гэера, инструктор замялся и остался стоять на месте.

Обычно прямолинейный Хан Сиэнь без колебаний выставил бы телохранителя за дверь. Однако, зная упрямый и преданный нрав Бай Шу, он решил на сей раз сделать поблажку и не стал настаивать на его уходе.

Пока он размышлял, на пороге показался Янь Си. На нем было простое белое одеяние, выгодно подчеркивающее благородную бледность лица. Пурпурная родинка между тонкими бровями — знак гэера — горела ярким мазком, придавая его облику редкую, пленительную красоту.

Однако прежняя вкрадчивая, манящая покорность испарилась. Напряженная поза и суровый взгляд лишили его сходства с бездушной куклой, превратив в живого, страдающего человека.

Янь Си подошел ближе и решительно опустился на колени. Заглянув Хан Сиэню в глаза, он твердо произнес:

— Господин маркиз, я, ваш покорный слуга Янь Си, в прошлом обычный житель деревни Фулу, желаю заявить о преступлении. Генерал-губернатор Лянцзяна Чжоу Маань, стремясь прибрать к рукам обнаруженное у нас золото, оклеветал моих односельчан, объявив о вспышке ложного мора. Он велел оцепить деревню, а затем приказал тайно свозить к нам трупы умерших от

настоящей чумы. Из-за этого безумия болезнь выкосила всех подчистую, а выживших... выживших заперли и сожгли заживо вместе с их домами.

Хан Сиэнь нахмурился и холодно спросил:

— Откуда тебе известны столь чудовищные подробности? Где доказательства?

Янь Си прикрыл веки. На мгновение ему показалось, что в ушах снова зазвучали полные ужаса крики гибнущих в огне людей. Вся его фигура дышала глубоким отчаянием.

— Я видел всё своими глазами, — глухо заговорил он, открыв глаза. — В то время я учился в городе. Мои родители давно умерли, в деревне оставались лишь дедушка с бабушкой. Раз в шесть дней я навещал их. Когда прорвало дамбу Пухэ, в городе ввели военное положение, и я застрял там. Едва ворота открыли, я бросился домой и узнал, что паводок смыл склон горы, обнажив золото. Тогда... тогда алчность затмила мне разум. Мечтая о сытой жизни и карьере, я подробно описал находку в письме и отправил его генерал-губернатору Чжоу Мааню. Вскоре за мной пришли его люди. Если бы не миловидное лицо, меня прирезали бы на месте, а так — отправили в школу куртизанок, чтобы вымуштровать для утех вельмож. Но самое страшное началось потом. Из-за моей глупости на деревню Фулу обрушился гнев небес в лице Чжоу Мааня.

Би Хуа потрясенно ахнула, не веря собственным ушам, и в упор уставилась на юношу. Но Янь Си смотрел только на Хан Сиэня. В его глазах метались искры безумия. Он ведь не был глупцом и почти сразу раскаялся в своем поступке. Пытаясь спасти стариков от неминуемой беды, он планировал тайно вывезти их из Фулу, но просто не успел — ищейки Чжоу Мааня выследили его раньше.

Представ перед грозным чиновником, Янь Си прикинулся беспринципным подлецом, готовым за горсть серебра продать родную мать. Он кричал о своей алчности, умолял взять его под покровительство и помочь выбиться в люди. Эта хитрость вкупе с его редкой красотой спасла ему жизнь. Чжоу Маань решил сохранить столь полезную игрушку.

Однако старые дедушка и бабушка были слишком слабы. Когда в Фулу пришла зараза, они скончались одними из первых. При этом Чжоу Маань продолжал лгать ему, уверяя, что старики перевезены в город и ни в чем не нуждаются.

Янь Си не верил ни единому слову негодяя. Узнав о якобы вспыхнувшем в родных краях море, он едва не сошел с ума от горя. Однако расспрашивать кого-либо не смел. Он затаился, притворяясь бездушным эгоистом, которому нет никакого дела до судьбы престарелых родственников.

Лишь много позже, усыпив бдительность стражников, он сумел передать весточку городским нищим и попросил их разузнать правду. Ответ уличных оборванцев подтвердил самые страшные опасения: почти все старики в Фулу сгорели от лихорадки в первые же недели.

Но даже зная это, он продолжал играть свою роль. Сердце его превратилось в пепел, но он покорно сносил все унижения обучения. Юноша понимал: он обязан выжить любой ценой. Если он наложит на себя руки, то на том свете предки никогда не простят ему этой трусости. Скрывая ненависть, он ждал приезда императорского уполномоченного, чтобы поведать миру о страшной трагедии Фулу.

Янь Си горько, надрывно усмехнулся:

— Моя глупость сгубила безвинных людей... Мои руки по локоть в их крови. Когда я умру, в следующей жизни мне суждено родиться бессловесной скотиной, чтобы хоть как-то искупить этот грех.

— Долги этого мира нужно платить здесь же, — равнодушно отозвался Хан Сиэнь. — А будет ли иная жизнь — одному небу известно.

Янь Си замер на мгновение, а затем кивнул:

— Ваша правда. За пролитую кровь нужно платить кровью.

Би Хуа молча опустила голову. Все эти дни она заботилась о Янь Си, искренне восхищаясь его утонченностью и сочувствуя горькой доле. Ей и в голову не могло прийти, какая страшная тайна терзает его душу.

Бай Шу перевел взгляд с бесстрастного лица Хан Сиэня на плачущего гэера:

— Почему же ты молчал раньше? К чему эти признания именно сейчас? Как нам знать, что всё это не выдумка?

— Раньше я не знал, можно ли вам верить, — горячо заговорил Янь Си. — Известно ведь: ворон ворону глаз не выклюет. Даже когда вы арестовали Хан Пина, я безмолвствовал. Из всей деревни выжил только я. Если бы меня убили, правда сгинула бы навсегда. Но сегодня все изменилось. Среди тех ночных налетчиков я узнал людей из личной охраны Чжоу Мааня. Теперь я верю, что вы, Наследник, покараете злодеев. К тому же генерал-губернатор несколько раз приказывал мне выведать ваши планы. Я отделался пустой болтовней, скрыв всё самое важное. В усадьбе в последнее время пахло грозой, это трудно было не заметить... Но я и представить не мог, что вы замахнетесь на самого Чжоу Мааня!

Договорив, Янь Си истерически расхохотался, и из его глаз брызнули слезы. Хан Сиэнь равнодушно скользнул по нему взглядом. Его сердце оставалось абсолютно глухо к чужому раскаянию.

— Если твои слова — правда, и целое поселение сгинуло лишь из-за твоей минутной алчности, закон будет суров. На пощаду императора можешь не рассчитывать, даже если станешь

главным свидетелем.

— Моя жизнь давно мне не принадлежит, — покорно кивнул Янь Си. — Я всё понимаю.

— Хорошо, — обронил Хан Сиэнь. — Но на слово я тебе верить не стану. Ступай к себе. Когда мои люди проверят твои показания, дело будет передано в столицу.

Янь Си трижды отвесил низкий поклон, коснувшись лбом пола:

— Благодарю вас, господин уполномоченный.

Когда за гэером закрылась дверь, Хан Сиэнь повернулся к инструктору:

— Тебе тоже пора идти.

Бай Шу растерянно моргнул, пробормотал что-то нечленораздельное и послушно направился к выходу. На сей раз он даже не стал прыгать через забор, а чинно вышел через калитку.

Маркиз вошел в дом, даже не взглянув на замершую посреди двора служанку. Би Хуа похолодела от страха — впервые в жизни она чувствовала себя настолько растерянной перед холодностью господина.

Спустя некоторое время у ворот усадьбы показался запыхавшийся Ань Цао. Его лицо так и светилось от радости. Заметив стоящую во дворе Би Хуа, он слегка удивился, но расспрашивать не стал, а сразу бросился к дверям и нетерпеливо постучал.

Едва Хан Сиэнь приоткрыл дверь, слуга так и засыпал его восторженными возгласами:

— Господин! Радостные вести! Третий принц и Наследник Цзи Юэ только что взяли под стражу генерал-губернатора Лянцзяна Чжоу Мааня!

Ань Цао выполнял в этой операции лишь мелкие поручения, но сама мысль о том, что они свергли столь могущественного временщика, кружила ему голову.

Хан Сиэнь бросил бесстрастный взгляд на темнеющий небосвод и негромко заметил:

— Оружие, что мы одолжили у Цзян Шуйшэна, пришлось как нельзя кстати.

На словах маркиз заключил союз с главнокомандующим Цзян Шуйшэном, но на деле и близко не собирался подпускать того к принятию ключевых решений.

Разгром резиденции генерал-губернатора был неизбежен, и нанести удар следовало тогда, когда враг меньше всего этого ожидал. Самое главное — нельзя было позволить Цзян Шуйшэну объединить силы с Чжоу Маанем. Подобный союз стал бы для Хан Сиэня непреодолимой преградой.

Именно поэтому он отправил главнокомандующего на усмирение мятежников в отдаленные провинции. Пока тот воевал в глуши, у него не оставалось времени следить за событиями в Лючжоу. Это изящно вбило клин между военным и гражданским руководством региона. А вот наведение порядка в осиротевшем городе и распределение помощи среди пострадавших от наводнения теперь полностью ложилось на плечи самого маркиза.

Именно по совету Хан Сиэня Цзи Ло и Цзи Юэ разыграли этот спектакль: осыпали Цзян Шуйшэна щедрыми посулами и обещали представить к награде, пока гвардейцы готовились к скрытному броску. Как только Чжоу Маань отправил своих людей на тайную вылазку, его тут же арестовали прямо в собственной резиденции.

План этот полностью принадлежал Хан Сиэню. Он руководствовался простым правилом: раз генерал-губернатор посмел покуситься на его жизнь, то и он имеет полное право сокрушить наглеца в ответ. Свои действия юноша находил абсолютно разумными и справедливыми.

Единственное, что вызывало легкое опасение — реакция императора. Узнав о падении своего доверенного наместника, государь наверняка придет в ярость. А значит, задерживаться в Цзяннани Хан Сиэню больше не стоило.

<http://bllate.org/book/20088/2002017>